

The background of the entire image is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are curved and flowing, creating a sense of dynamic movement and depth. They are set against a dark, almost black, background, which makes the green light stand out prominently. The light trails vary in thickness and brightness, with some appearing as sharp, glowing lines and others as softer, more diffuse bands of light. The overall effect is reminiscent of a high-speed camera capturing light or a digital visualization of energy or data flow.

Микола Романов

Черный окуляр

Микола Романов

Черный окуляр

«Автор»

2026

Романов М.

Черный окуляр / М. Романов — «Автор», 2026

Август 1998 года. Посёлок Красный Бор застыл в удушливом предгрозовом мареве, а его жители пытаются выжить в хаосе разбитых надежд уходящего десятилетия. Двенадцатилетний Тёмка Бреннов находит на местной свалке старинный латунный монокуляр с необычным фиолетовым стеклом. Парень ещё не знает, что эта случайная покупка стоимостью в шесть рублей навсегда изменит его жизнь. Стоит прижать окуляр к глазу — и привычный мир Красного Бора исчезает. Стены родного дома начинают дышать, туман наливается мертвенным фиолетовым светом, а на соседском заборе материализуется безликое кошмарное существо в старом ватнике. Окуляр — это не просто прибор, это маяк для древнего зла, спавшего под здешними болотами веками. И теперь Тварь из колодца пришла за своей собственностью. Это история о взрослении на фоне потустороннего кошмара, где самым опасным оружием против древних богов становятся отцовский охотничий нож, старый советский фонарь и упрямая мальчишеская смелость.

© Романов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Боги окраин и старая латунь	6
Глава 2. Глаз из чужого гроба	8
Глава 3. То, что сидит на заборе	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Микола Романов

Черный окуляр

ЧЕРНЫЙ ОКУЛЯР

Роман в стиле Стивена Кинга

Глава 1. Боги окраин и старая латунь

Посёлок Красный Бор умел хранить две вещи: молчание и старый хлам.

Если вы прожили на улице Ленина достаточно долго, чтобы помнить, как в девяносто втором закрылся деревообрабатывающий комбинат, вы знали, что у каждого подпола в этом месте есть свой особый запах. Это была смесь сырой картофельной земли, мышиного помёта и старых подшивок журнала «Огонёк» времён перестройки. Побочный продукт ушедшей эпохи, которая легла на дно и тихонько там подгнивала под половицами.

Тёмка Бреннов не думал об ушедших эпохах. Ему было двенадцать — возраст, когда ты уже не веришь в Деда Мороза, но всё ещё заглядываешь под кровать перед тем, как выключить свет, просто на всякий случай. На дворе стоял удушливый август 1998 года. Воздух над разбитым асфальтом дрожал, как прозрачное желе, а из открытого окна старой «девятки», стоявшей у дома Толика Андреева, доносился тягучий, хриплый голос Михаила Круга. Надвигалась гроза, но небо оставалось блёклым, словно выстиранная до дыр простыня.

Тёмка крутил педали своего старого велосипеда «Кама», чувствуя, как пот катится по ложбинке на спине, пропитывая пыльную футболку с полинявшим логотипом «Чикаго Буллз». Его пункт назначения находился на самой окраине поселка, там, где разбитый асфальт переходил в заросшую лебедой грунтовку, ведущую к старой поселковой свалке и дому деда Артура — местного старьёвщика.

Местные называли его дом просто «Свалкой». Дед Артур, грузный старик с вечной одышкой и пальцами, пожелтевшими от дешёвой «Примы», не возражал. Он скупал у одиноких старух старые комоды, у разорившихся трактористов — ржавые дисковые пилы, а у мальчишек вроде Тёмки — всё, что они умудрялись выудить из обмелевшей речки за заброшенной лесопилкой.

В тот день у Тёмки в кармане шорт лежали три монеты по два рубля и одна тусклая пятидесятикопеечная — весь его капитал после недели прополки соседских грядок с огурцами. Он надеялся найти какую-нибудь старую кассету для магнитофона или, если повезёт, перочинный нож с перламутровой ручкой.

Когда Тёмка толкнул тяжёлую деревянную дверь, дед Артур даже не поднял головы от разгадывания сканворда. В сенях пахло махоркой, дегтярным мылом и чем-то ещё — сухой, столетней пылью мёртвых насекомых.

— Ищи быстрее, малый, — прохрипел старик, кашляя в кулак. — Через час лавочку прикрою. Не охота мне тут торчать, когда небо прорвёт. Мои суставы говорят, что молнии будут лупить прямо в Лысую гору.

— Хорошо, дядь Артур, — тихо сказал Тёмка.

Он прошёл мимо стопки старых грампластинок на 78 оборотов, мимо сломанного самовара и углубился в самый тёмный угол деревянных сеней, где стояли картонные коробки из-под обуви с надписью «Всё по рублю».

Именно там, под пачкой журналов «Вокруг света» за 1984 год, он его и нашёл.

Это был монокуляр. То, что Тёмка в своих мыслях сразу назвал «подзорной трубой для одного глаза». Он был сделан из тяжёлой, потемневшей от времени латуни, местами покрытой зелёным налётом, похожим на сухую плесень. Окуляр был обтянут потрескавшейся чёрной кожей, которая на ощупь напоминала чешую старой змеи. Но самым странным было стекло. Оно не было прозрачным. Линза отливала глубоким, маслянистым пурпуром, словно в неё закатали каплю черничной крови.

Тёмка взял прибор в руку. Латунь оказалась удивительно холодной для августовского полдня. Даже слишком холодной — от металла по пальцам пробежали покалывающие иголочки, словно он засунул руку в погреб, где бабка хранила квашеную капусту.

— Что там у тебя? — дед Артур наконец оторвался от газеты и прищурился сквозь толстые стёкла очков в дешёвой пластмассовой оправе.

— Просто... труба старая. Сколько за неё?

Старьёвщик тяжело поднялся, его колени издали звук, похожий на треск сухих веток. Он подошёл, взял монокуляр из рук Тёмки, покрутил его. На лице старика отразилось мимолётное замешательство.

Дед Артур с сомнением осмотрел странную находку, отметив, что не помнит её появления, и предположил, что вещь попала к нему вместе с имуществом с хутора Михеевых. Старик повертел монокуляр в руках, попытался вспомнить детали, а затем вернул его мальчику, оценив покупку в шесть рублей и посоветовав поторопиться домой до начала грозы.

Глава 2. Глаз из чужого гроба

Дождь застал Тёмку на середине подъёма к Почтовому переулку. Небо над Красным Бором лопнуло мгновенно и без предупреждения, словно старая, перезревшая дыня. Первые капли, тяжёлые, как пятирублёвые монеты, сбили дорожную пыль, подняв резкий, душный запах прибитой земли. Через минуту «Кама» Тёмки уже вязла в раскисшей глине, а старая футболка с Майклом Джорданом прилипла к лопаткам, став холодной и склизкой.

Тёмка летел вперёд, почти не глядя под колёса. Под футболкой, согреваясь от мальчишеского тела, лежал латунный монокуляр. Странно, но там, где металл касался кожи чуть выше пупка, Тёмка чувствовал не тепло, а тупой, ноющий зуд, словно к животу приложили мёртвую, онемевшую на морозе ладонь.

Дома, в приземистой бревенчатой пятистенке на краю посёлка, никого не было. Мать ушла во вторую смену в поселковую больницу — там опять кто-то с кем-то не поделил спирт у лесопилки, и привезли двоих с ножевými. Отец... отец уехал в райцентр ещё во вторник. Он пытался перепродать партию б/у запчастей для комбайнов, и, судя по тому, что на дворе суббота, дела шли хреново. Это означало, что отец вернётся хмурым, с запахом дешёвой водки и перегара, и будет долго сидеть на кухне, глядя в темноту за окном и крутя в руках пустой стакан.

Тёмка затащил велосипед в тёмные, пахнущие сушёным укропом и старыми сапогами сени, запер дверь на тяжёлый кованый крючок и прошёл в свою комнату.

Его комната была маленьким государством. Стены были оклеены дешёвыми бумажными обоями в блёклую зелёную полоску, местами пожелтевшими от сырости. На стенах висели плакаты из журналов «Ровесник» и «Авторевю» — Lamborghini Diabolo, Виктор Цой с гитарой и помятый постер с Сильвестром Сталлоне из «Рэмбо». У окна стоял старый письменный стол с чернильными пятнами, на котором лежали тетрадки в клеточку и обглоданный с конца карандаш.

Гроза снаружи разбушевалась не на шутку. Вода хлестала по стёклам так, что старые рамы дребезжали. Молнии вспыхивали каждые тридцать секунд, на мгновение превращая сумерки в комнате в мертвенно-белый, операционный свет.

Тёмка сел на кровать, покрытую байковым одеялом, и вытащил монокуляр.

На металле проступила испарина. Зелёный налёт на стыках латунных колец казался теперь более ярким, почти флуоресцентным. Тёмка поднёс прибор к правому глазу, зажмурил левый, и посмотрел на свой стол.

Сначала не было ничего, кроме густой, чернильно-пурпурной мглы. Тёмка подкрутил колесико фокусировки. Оно поддалось с сухим, шуршащим звуком, будто внутри перетирался речной песок. И вдруг картинка прыгнула, обретая пугающую, неестественную чёткость.

Тёмка вздрогнул. Цвета исчезли. Его комната сквозь фиолетовое стекло выглядела так, словно её вытащили из пожарища, которое случилось сто лет назад. Всё стало пепельным, серым, покрытым толстым слоем мёртвой копоты. Но самым жутким были стены. Блёклые обои в полоску больше не были обоями. Сквозь фиолетовую линзу Тёмка видел, что брёвна дома под штукатуркой медленно, едва заметно пульсируют. Как будто сам дом был живым, старым организмом, который тяжело дышал, втягивая в себя сырой августский воздух. По углам, у самого потолка, ветвились чёрные, тонкие нити, похожие на капилляры. И по ним лениво, толчками перекачивалась какая-то тёмная, густая жидкость.

— Ни фиги себе... — прошептал Тёмка. Его собственный голос показался ему чужим, словно донёсся со дна глубокого сухого колодца.

Он отдёргнул монокуляр от лица. Комната мгновенно вернулась в норму. Lamborghini Diabolo на плакате горела прежним ярко-красным цветом, обои стояли неподвижно, а от углов

пахло просто старой штукатуркой. Сердце двенадцатилетнего мальчишки колотилось в грудной клетке, как пойманный в силки воробей. На лбу выступила холодная, липкая испарина.

Любой нормальный двенадцатилетний парень из Красного Бора на его месте засунул бы эту чертовщину в самый дальний угол подпола, за банки с прошлогодними огурцами, или просто выбросил бы в болотную жижу за огородами. Но Тёмка Бреннов был сыном своего отца — человека, который, если уж влезал в драку или начинал разбирать сломанный движок трактора, никогда не бросал дело на полпути. Любопытство — то самое глухое, зудящее, опасное любопытство русской провинции, от которого люди здесь либо спивались, либо лезли в петлю, — подняло голову внутри него.

Тёмка снова прижал холодный латунный окуляр к глазу. И медленно повернулся к окну.

Глава 3. То, что сидит на заборе

Сквозь мутное, залитое ручьями воды стекло Тёмка наставил монокуляр на соседский двор. Через дорогу стоял покосившийся дом бабы Нюры — местной знахарки и по совместительству самой старой жительницы Красного Бора. Говорили, что она помнила посёлок ещё до того, как сюда провели электричество, и знала, какие травы нужно прикладывать к животу, если скотина начинает харкать кровью.

Через фиолетовую линзу дом бабы Нюры выглядел как обглоданный скелет какого-то доисторического ящера. Доски забора казались гнилыми, источенными червями рёбрами, торчащими из земли. Но ужас пришёл не от вида дома.

На старых воротах, прямо на почерневшем от времени деревянном перекрытии, кто-то сидел.

Тёмка замер, почти перестав дышать. Пальцы, сжимающие латунный цилиндр, онемели. Он крутанул колечко фокуса до упора, ловя резкость сквозь пелену ливня.

Это была не баба Нюра. И это вообще не было человеком. Существо было длинным, неестественно худым — если бы оно выпрямилось во весь рост, то было бы высотой с трёхэтажную поселковую администрацию. На нём был старый, изношенный до дыр, лохматый ватник, который почему-то оставался абсолютно сухим под стеной дождя. Существо сидело на заборе, поджав под себя бесконечные, узловатые ноги с избыточным количеством суставов. Его руки, длинные, как плети, свисали вниз, а пальцы с тупыми, грязными ногтями лениво скребли по мокрому дереву, оставляя глубокие, дымящиеся борозды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.